

УДК 323.1

Алексей Владимирович Теленков

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Пермского филиала по исследованию
политических институтов и процессов
Института философии и права УрО РАН
г. Пермь (342) 265-73-10 AVTelenkov@rambler.ru

О СООТНОШЕНИИ НАИМЕНОВАНИЙ *РУССКИЕ* И *РОССИЯНЕ*: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Автор рассматривает проблему соотношения названий «русский» и «российский», историю их взаимоотношений и прочтений, намечает некоторые перспективы выхода из современной ситуации.

Российскость, русскость, русские, россияне.

В наши дни в обыденной жизни нередко приходится слышать: «русские люди», «у нас на Руси», «русский характер», «русский менталитет» и много других подобных сочетаний. В то же время со страниц средств массовой информации, по телевиденью, в официальных документах, как, прочем, и в повседневных ситуациях звучат слова о «россиянах», «российском обществе», «российской действительности» и т.д. Современные дискуссии о возможных путях развития России, состоянии национальных отношений в стране делают злободневным анализ истории и современного состояния соотношения имени русского и названия российского; выяснения, какую роль то и другое играет в сознании граждан страны, в первую очередь населения, относящего себя к титульной нации. Наконец, весьма актуальна тема создания единого и удобного дома для всех народов России как стратегическая цель ее развития. Долгое время Россия шла под русским флагом, затем под советским, сейчас – под российским. Но что представляет собой этот российский флаг (идея, проект) и как он согласуется и должен согласовываться с русским этническим большинством страны? И удастся ли избежать столкновения русскости и российскости?

Споры по этому вопросу не умолкают ни в научной среде, ни в кругу общественных деятелей и политиков, ни среди граждан России. На сегодняшний день существуют различные точки зрения и подходы к сопоставлению российскости и русскости. По мнению ряда исследователей, наблюдается почти непреодолимый конфликт между ними (Миллер А., Малинова О.). Другие считают, что рос-

сийскость и русскость не только должны быть примирены, но и это обязательно должно случиться: главный путь здесь – строительство наднационального государства, где «россиянин» означает гражданина России и ничего более того (Шабаяев Ю.П., Демина А.В., Абашинов С.Н., Зализняк А.). За российскую нацию также, как известно, ратует известный этнолог В.А. Тишков. В то же время многие серьезные исследователи отрицают российскую нацию как реальность, поэтому у них российскость обретает политические, идеологические или схоластические окраски. Таковыми являются многие представители советской этнографической традиции.

Тему о соотношении имен *русского* и *российского* следует начать с наименования *русские* как более древней и исконной формы. Происхождение данного имени, будь оно славянским или германским, финским или балтийским (существуют разные гипотезы на этот счет), на наш взгляд, само по себе ничего не дает и служит лишь поводом к спору на разные, как правило, далеко не научные темы. Важно то, что с IX в. это слово, пережив столетия, сохранилось несмотря на действия времени, изменение до неузнаваемости самого русского народа. Имя русское объединило представителей разных славянских и неславянских племен на огромной территории, стало знаменем борьбы со Степью и католической Европой. Имя это изначально определяло не только этническую принадлежность, но и надплеменную общность, не лишенную, однако, восточнославянской сути. Всюду расселяясь по Восточно-Европейской равнине, русские люди в первую очередь несли свое имя, потеря которого означала бы (и означает по сей день) конец этноса. Князья были русские, войско – русское, вера – русская, земля – русская и люди русские. Все это, безусловно, не было пустым звуком, оно имело под собой глубокий смысл: представление о специфике и задачах власти, религии, культуры, историческом процессе и роли русского народа. Впоследствии символом всего перечисленного выше стал русский царь, служение которому приравнивалось к служению всему русскому и, кроме того, давало моральное право именоваться инородцу русским. Юсуповы, Салтыковы, Остерманы, Багратионы – далеко не полный перечень хорошо знакомых каждому фамилий деятелей русской истории, имевших нерусское происхождение.

Наименование *россияне* и как производные от него слова *российский*, *российская* – явления более поздние, крайне редко встречающиеся в древнерусских письменных памятниках (название *россияне* не встречаются вовсе). Пожалуй, первый отголосок этого – «Правда Роськая» – памятник XI в. Кстати, современными исследователями «Правда Роськая» переводится как «Русская правда», что свидетельствует о синонимичности имени русского и российского по крайней мере в эпоху средневековья. Более того, в древнерусских летописях нередко встречается написание *русские* через дифтонг *оу*:

например, в летописи по Ипатьевскому списку – «Володимеръ, иже княжи в Киевѣ, иже просвѣти землю Роускою» [3]. В дальнейшем же чередование корней *рус* и *рос* стало использоваться зачастую неосознанно. Неудивительно поэтому, что и по сей день в сознании народа нет четкой границы между *русским* и *российским*. Еще в XIX в. наименования эти были фактически полностью тождественны: *российское* звучало как вариант *русского*.

Итак, начиная с XVI в. и вплоть до революции 1917 г. *русское* и *российское* – de facto синонимы, но предпочтение при этом, если речь не идет о государстве, отдавалось имени русскому. Государство называлось Россией, Российским, Российской империей. В то же время его атрибуты – царь, церковь, армия, флаг и т.д. носили русское имя. Поэтому в истории взаимоотношений наименований *русское* и *российское* дореволюционного периода при их почти абсолютном тождестве внимание следует уделять употреблению и значению имени русского. Однако несущественная разница, тем не менее, не должна остаться незамеченной. Российское государство как бы подчеркивает отсутствие национальных (даже русских) предпочтений. И такая потребность возникла уже после покорения Иваном Грозным татарских ханств. Служить государственным российским интересам – это не то же, что служить русскому царю, русской вере и русскому народу. Очевидно, что подобные идеи (скорее, не идеи, а ощущения) возникли довольно давно, но не нашли своего развития. И это все при том, что широта географическая и этническая царства, а после – империи, требовала и обобщающего наименования.

На этом фоне этноним *русские*, особенно со времен Московского царства и далее – Российской империи, становится шире самого себя. Представление о происхождении и идея служения, обозначенные русским именем, однако же, не были тождественны и заключали в себе разный смысл. М.В. Ломоносов и Н.М. Карамзин одни из первых начали целенаправленно употреблять название «россияне», «российский», «Российская земля» (хотя еще в первой половине XVI в. известный монах Филофей употреблял наименование *российское*). Особенно у Н.М. Карамзина в его классическом труде «История государства Российского» прослеживается идея российской гражданской общности, единой не русским происхождением, а гражданским долгом. Само слово *русские* он почти не употребляет, а если и встречается оно на страницах «Истории...», то в сугубо этническом (точнее – в этнографическом) смысле: «русские» сафьян, ладья, язык. Впрочем, последователи Карамзина на попрание истории, напротив, предпочитали говорить о «русских», «русской истории», «русском государстве».

Идеи же Н.М. Карамзина о гражданской сущности понятия *россияне* не приживались до 90-х гг. прошлого столетия. Вместо дифференциации *русского* и *российского* эти слова, как отмечалось

выше, не имели или почти никогда не имели смысловой разницы. Отдавая явное предпочтение исконному имени *русские*, и власти, и русский народ, и интеллигенция под русским понимали все этническое, но этим же словом обозначалось и все подвластное русскому царю. Но, разумеется, не все верноподданные были русскими по происхождению; для таковых был введен в официальный оборот термин *инородцы*. Поэтому следует констатировать, что вплоть до Октябрьской революции сложилось двойное прочтение имени русского. С одной стороны, это был этноним, с другой – обозначение подданства (не гражданства, а именно подданства). Коренное различие верноподданных и граждан заключается в том, что идея подданничества есть идея служения русскому царю как сакральному символу не только всего русского (Отечество, народ и православие), но и мироустройства в целом, стабильности и надежности бытия; идея же гражданства заключает в себе представление о правах и обязанностях общества, индивида и государства.

Была, однако же, одна попытка связать имя русское с понятием гражданства – «Конституция», принадлежащая перу известного декабриста Н.М. Муравьева. Названный проект объявляет русскими всех коренных жителей России («*Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом*»). Ясно, что в этом случае русские – это гражданство, тем более, в пункте 31 написано: «Кочующия племена не имеют прав гражданских... Право подавать свой голос... представляется каждому русскому негражданину» [5]. Кочующие племена как не имеющие постоянного места проживания не могли быть, по представлению Н.М. Муравьева, гражданами. И, тем не менее, очевидно, что их он также называет русскими, подчеркивая этим правовую природу, близкую той, что приписывается гражданам.

И все же русское имя на протяжении всей отечественной истории было мало связано с представлением о согражданстве. Именно в этом началось постепенное, если так можно выразиться, разделение «русского» и «российского». Государство и народ в названиях своих стали эпизодически расходиться уже с XVI в. Русь поначалу долго величали Руссией (некая переходная форма от Руси к России), затем – привычным для нас именем. В наши дни в научной и общественной жизни *русское*, как правило, понимается в качестве этнического, а *российское* отождествлено с гражданским и государственным. Культура – русская, язык – русский, но общество, власть, армия – российские. Тем не менее, не только обыватели, но и общественные деятели, именитые ученые и представители власти нередко попросту путают русское с российским, подменяют одно другим, либо смешивают. Так, в статье заместителя руководителя Администрации Президента РФ Вячеслава Суркова «Национализация будущего»

наряду с понятиями «российская нация», «российский мир» фигурируют «русское многонациональное государство», «русский демократический проект», речь при этом идет о современности [10].

Налицо противоречивость и запутанность наименований *русские* и *россияне*, равно как и множества производных от этих слов. Константой является только лишь то, что имя *русские* и по сей день обозначают этническую общность; однако при этом, как уже оговаривалось ранее, в разное время к таковому пониманию добавлялась и дополнительная смысловая нагрузка. И в наше время можно встретить такие весьма любопытные для исследователя значения слова *русский* как: русский = правильный («как-то не по-русски», значит по-русски – это правильно), русский = православный (говорят «русская вера»), русский = российский («русский солдат», «русское кино», «русский автопром»), русский = восточный славянин (до революции официально считалось, что русские – это великороссы, малороссы и белорусы; в наше время подобные высказывания в русской среде также нередки). Хотя, конечно, такие прочтения имени русского официально не признаны.

В повседневной жизни редко возникает вопрос о национальной принадлежности: официальная жизнь этого, слава Богу, не подразумевает, а в неформальных отношениях ставить вопрос о национальности – дурной тон. Что нам дают исследования фольклора, литературы, высказываний, зафиксированных в письменных источниках, анализ прессы в вопросе частоты использования этнонима? В XIX–XX вв. в бытовых ситуациях этноним «русские» почти не звучит, даже в местах совместного проживания русских с другими народами. Имя русское звучало из уст официальных лиц в XIX – начале XX в., особенно в дни тяжелых испытаний, однако повседневная жизнь в этом отношении мало менялась. Далее, советский период истории вообще был отмечен в определенном смысле слова гонением на этноним *русские*. Его всячески пытались заменить наименованием *советский народ*, оставив русскому имени лишь фольклорный и этнографический удел. Все крупные и не очень крупные этносы Советского Союза были отмечены на политической карте республиками или автономиями, кроме русского народа. И слово *Российская* в наименовании самой крупной республики союза означало не этническое своеобразие, а этническое множество. И хотя ведущая роль во всех отраслях жизни от политики и экономики до культуры по-прежнему сохранялась за русским народом (точнее сказать – за русскостью), этноним *de facto* был в загоне. Не случайно с начала 1990-х гг. имя это стремительно возвращается; в научных кругах вновь ставится вопрос о русской сущности, политики оперируют и играют словами *русские*, *русский народ*, *Святая Русь*, и, наконец, появляется море товаров и услуг, использующих в своем бренде этноним.

Но все упомянутое выше – перипетии истории и особенности времени. Как бы не менялась историческая ситуация, этноним оставался неизменным и удерживался не только силой штыков русской армии, но и влиянием русского языка в огромных географических границах. Не удивительно поэтому, что и в повседневной жизни имя *русское* вспоминается зачастую применительно к языку. Никто и никогда не скажет «российский язык». В школах русский язык – один из самых трудных предметов, своеобразная форма социализации и инициации. На сочинениях при поступлении в вузы до введения ЕГЭ «срезалось» порой более половины абитуриентов. Мы требуем, чтобы с нами говорили по-русски и не только в России, но зачастую и за ее пределами. В недалеком прошлом появилось довольно интересное понятие – *русскоязычные* граждане ближнего зарубежья (раньше их называли просто русскими). При покупке иностранной электронной или бытовой техники мы ищем то место в инструкции, которое начинается словом *Русский*. Таким образом, обозначение русского языка всюду встречается в нашей повседневной жизни и мы, как правило, этого даже не замечаем. Не замечаем, потому что *русский* в данном случае есть лишь обозначение средства общения. Хорошо демонстрируется это в Интернете. Если набрать в поисковой системе запрос «русский», то обнаружатся сотни тысяч сайтов; при этом в подавляющем большинстве из них имя *русское* будет просто указывать на язык без каких-либо смысловых нагрузок.

Но имя это остается весьма популярным в прессе и публицистике на протяжении нескольких столетий. Без особого труда можно вспомнить ряд периодических изданий со словом *русский* в названии. «РУССКАЯ МЫСЛЬ» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал, выходивший в свет в 1880–1918 гг. и занимавший в разные времена политическую нишу от славянофильских до либеральных кадетских взглядов. Среди известнейших изданий выделяется сборник «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛЕТИЯ», печатавший произведения всех самых известных русских литераторов. Русским, разумеется, этот сборник именовался не по причине националистической направленности, а вследствие своей русскоязычности. В «РУССКОЙ ТАЛИИ», впервые опубликовавшей комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума», также отсутствует какой-либо намек на прочтение слова русский сугубо в этническом смысле. Из других известных изданий дореволюционного периода можно перечислить следующие: «РУССКАЯ СТАРИНА», «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ», «РУССКИЙ ИНВАЛИД» (с 1869 г. орган генерального штаба), «РУССКОЕ БОГАТСТВО», «РУССКОЕ СЛОВО» (под этим названием в разное время выходили журнал и газета), наконец, основанный в 1905 г. Институт русской литературы. Особняком в этом списке будет стоять печатный орган «Союза русского народа» – «РУССКОЕ ЗНАМЯ» – ежедневная газета. Лишь названное издание

может быть признано националистическим. Другие же перечисленные выше – не ориентированы только на представителей русского народа. Слово *русский* в названии указывает на язык и объект освещения (литература, культурная жизнь, военные новости и т.д.).

В советское время периодических изданий с именем русским в названии не выпускалось, за исключением издательства для изучающих русский язык, так и называвшееся – «РУССКИЙ ЯЗЫК». Только русское зарубежье после революции продолжало в этом смысле хранить традицию. Так, в 1920-е гг. в Берлине выходил в свет критико-библиографический журнал «РУССКАЯ КНИГА», можно также отметить весьма заметное издание русского зарубежья – «РУССКИЙ КОЛОКОЛ».

В 90-е гг. прошлого столетия после семидесятилетнего периода гонений имя *русское* возвращается в названия периодической печати и прессы вообще (включая впоследствии сеть Internet). Издательство «Советская Россия» переименовывается в 1992 г. в «РУССКУЮ КНИГУ»; появляется известное ныне всем «РУССКОЕ РАДИО»; бывшая когда-то отделением «Советская пластинка» при «Центропечати» становится «РУССКИМ ДИСКОМ», данный список можно продолжить, что и будет фактически сделано чуть ниже.

Кроме известных всем торговых марок (в сущности именно торговых) таких как «Русское радио», «Русский стандарт», «Русский стиль», найдутся сотни подобных, использующих наименование русские (русский, русское) в названии для продвижения товаров и услуг. Некоторые из них перечислены ниже: «Русский Newsweek», «Альянс Русский Текстиль», «РуссКом» (офисная техника), «Проект Русский Кабель», «Русский ипотечный банк», «Русский бизнес-курьер» (деловая газета On-Line), «Мороженое Русский Холод», «Ресторан Русский», Группа компаний «Русский алкоголь».

Собственно говоря, что именно русское заключается и что, вообще, может быть заключено в «Русском паркете» или, скажем, в «Русском кирпиче»? Или, например, о каком русском стандарте идет речь в наименовании известной товарной марки водки? А сайтов с подобными названиями довольно много; по своей частоте (исходя из результатов, выдаваемых поисковой системой при проведенном нами исследовании) они находятся на втором месте после сайтов, где этноним русские служит лишь указанием на язык передачи информации. Встречается, правда крайне редко, хоть некий намек на соответствие имени русского в бренде качествам товара (пусть это лишь фантазии или общепринятые стандарты, как девушка в сарафане и кокошнике). Среди таковых можно назвать ресторан «Русский Дом». Должно быть, собственник ресторана старается каким-то образом оправдать русское имя заведения. Очевидно, и географическое расположение его к этому обязывает – Царское Село (кстати, в тексте сайта ресторана написано именно Царское Село, а не город Пушкин,

что свидетельствует о создании определенного образа вокруг ресторана). Авторы текста и/или руководство ресторана рассказ о нем начинают с описания достопримечательностей известного города, затем плавно переходя к «изюминке» собственно объекта рекламы. «Приехав в Царское Село, Вы сможете отдохнуть от будничной суеты большого города, погулять в знаменитых парках, полюбоваться видами великолепных архитектурных ансамблей. Прозрачный чистый воздух, пешеходная прогулка, – и здоровый аппетит Вам обеспечен! Но, не спешите покидать историческую часть города. Недалеко от Екатерининского дворца, напротив Александровского парка, на улице Малой дом 3 Вам всегда открыты двери ресторана с традиционной русской кухней, уютными залами, напоминающими просторную горницу, и русской печью, в которой весело потрескивают поленья, создавая атмосферу уюта и комфорта. Интерьер из дерева, элементы традиционного русского быта, – все это усилит впечатление того, что Вы действительно в «Русском Доме» [8].

В целом русское имя – это все же хорошо узнаваемый бренд. Конечно, русская кухня или русская баня тоже есть бренд, однако в данном случае появился сначала «товар», а потом имя. В некоторых случаях имя товара или услуги не имеет «русской» составляющей, но законы рекламы заставляют обращаться к устоявшимся знакомым образам. Пример с продажей автомобилей. Нетрудно догадаться, что, продавая средства передвижения для русской или русскоговорящей «целевой аудитории», продавцы вспомнят знаменитые слова Н.В. Гоголя из поэмы «Мертвые души». Вспомнить при этом они могут неточно или намеренно исказить классика: «Какой же русский не любит бесшабашной езды!» [7].

Тему русского бренда в наши дни затрагивают разные авторы с той лишь разницей, что рассматривается он через призму политической действительности. Так, исследователь А. Елисеев пишет: «Русскость» становится все более и более популярной. Она превращается в некий «бренд», использование которого свидетельствует о политической успешности. Слово «русский» сегодня берется на «вооружение» самыми разными структурами». В качестве доказательства этого данный автор приводит запущенный и «успешно реализуемый» под эгидой «Единой России» «Русский проект» [1]. Кстати, если говорить о самом проекте, не следует его понимать как некую доктрину, национальную идею или программу. Скорее, это дискуссионный клуб партии «Единая Россия» во главе с И. Демидовым. Участники проекта ставят весьма актуальные вопросы о сущности русской нации, ее месте и роли в России, о русском мире, русской культуре и, разумеется, о соотношении наименований *русские* – *россияне*. Материалы «Русского проекта» различны в своих позициях («Цель проекта – выработать общественный консенсус по наиболее актуальным вопросам заявленной повестки дня» [9], отто-

го и нет общего мнения), однако очевидны как стремления политических сил «разыграть русскую карту», так и реальная злободневность заявленной темы. Тем не менее стоит заметить, что несмотря на актуальность вопросов известность проекта относительно популярности самой партии низкая, а само ее руководство остается в стороне от подобного рода публичных дискуссий.

Далее следует взглянуть на имя *российское*, как оно употребляется в русском языке, какие смысловые нагрузки носит. Это наименование несколько менее популярно в названиях печатных изданий, равно как и вообще в средствах массовой информации, нежели имя *русское*. Пожалуй, самые известные названия в СМИ со словом *российский* – «ОБЩЕСТВЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ» (ОРТ) и «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА». К этому можно добавить ряд журналов с подобного рода названиями: «РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ», «РОССИЙСКИЕ АПТЕКИ» (интересно, что именно со словами «адвокат» или «аптека» слово «русские» оказалось не сочетаемо. Видимо, это произошло именно в силу возможного смешения с этническим значением, терпимого в приведенных выше случаях) и т.д. То же можно сказать и об использовании данного имени в названиях торговых брендов. В отличие от имени русского, слово *российское* намного реже встречается в названиях торговых марок. При этом, безусловно, особо не затрудняясь можно привести такие примеры как: «РОССИЙСКИЙ УГОЛЬ», «БАНК РОССИЙСКИЙ КРЕДИТ», «СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИВОВАРОВ», «РОССИЙСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЛИТКИ», «РОССИЙСКИЕ НАТЯЖНЫЕ ПОТОЛКИ». При этом если *российский уголь* можно интерпретировать как природный ресурс, добываемый в России, то весьма сложно определить «*российскость*» натяжных потолков или керамики.

В то же время огромное количество государственных учреждений именуется *российскими*, что, впрочем, вполне объяснимо. Среди них многочисленны институты и университеты, архивы и академии, общества и ассоциации. Однако бросается в глаза одно весьма любопытное обстоятельство: подавляющее большинство из них, если не все из числа подобных, именуется так с 90-х гг. прошлого века. А это время становления *российской* государственности. Даже если учреждение, организация или иное объединение не является государственным, то имя *российское* придает ей некий оттенок официальности, повышает статус и, очевидно, доверие потребителей. В то время как имя *русское* в названии больше апеллирует чувствам родного, близкого, исконного. Тем не менее, как уже говорилось, названия со словом «*российский*» в торговых брендах встречается гораздо реже, чем «*русский*».

В дореволюционный период наименования со словами *российское*, *россияне* можно воспринимать как некие исключения (общепринятым было все, относящееся каким-то образом к русскому ца-

рю и русской земле, называть русским). Как известно, ряд земель в Новом Свете именовали Русской Америкой. Однако торговая компания для их освоения называлась «Российско-американская компания». Существовала она в период с 1799 г. по 1868 г., действовала при поддержке правительства России и основала немалое количество поселений, организовала 25 экспедиций (15 из них – кругосветных). Другой пример – история с названием Островов Россиян в Тихом океане. Острова были открыты русскими мореплавателями О.Е. Коцебу (в 1816 г.), Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым (в 1820 г.). Получили новые земли имена выдающихся отечественных военачальников и государственных деятелей – М.И. Кутузова, М.Б. Барклая-де-Толли и др.

В наши дни главные варианты прочтения наименований *российский*, *российская*, *россияне* это российское как государственное, гражданское, общественное. Это одновременно некая формула, идея и цель, объединяющая на принципах державности и надэтничности всех сограждан России. Наконец, россияне – политико-правовая категория. При этом контекст может быть и иным. В некоторых случаях под *российским* понимается почти исключительно русское. Примером служит сайт, именуемый «Российский фольклорный союз», на страницах которого весьма трудно отыскать материал по фольклору нерусских народов России. Приходится, впрочем, нечасто сталкиваться и с отсутствием определенных смысловых нагрузок под именем российским.

При всем сказанном выше в настоящее время все более четко обозначается тенденция в использовании имени *русского* как этнического понятия, а разные формы названия *российское* – как обозначения согражданства. И, может быть, сейчас только для иностранца нет особой разницы между русскими и россиянами; они определяют всех жителей России независимо от национальности как Russian, Die Russen, Les Russes и т.д. Для населения же России разница между этими именами становится все более очевидной. Представляется, что это разделение и в дальнейшем будет все больше углубляться.

Следует отметить, что в современной ситуации власть и общественные деятели пошли по пути создания условно так называемого *российского национального проекта* (в отличие от «Русского проекта» это не наименование дискуссии, а некий реальный выход из правового тупика конца 1980-х – начала 1990-х гг. по поводу носителя государственного суверенитета). Несмотря на то, что русские представляют собой в России доминирующее большинство (свыше 80%), тем не менее, все здравомыслящие люди (и их тоже большинство) понимают необходимость конструирования некоего общего дома народов России с общими ценностями. Поэтому имя *россияне* – в определенном смысле удачная необходимость, объединяющая представителей разных народов страны, расставляющая акценты на гос-

ударственной общности всего населения России. Действительно, есть потребность власть предержащих каким-то образом определять одним названием всех жителей государства, обращаться к ним на понятном языке, апеллировать к их гражданскому долгу. В самом деле, не может же власть обращаться к своим подданным, например, так: «Русские люди и другие народы России...». Данные слова только подчеркивают различие между людьми. *Россияне* же есть имя надэтническое и вовсе не этническое. Это указание на политико-правовое поле жизнедеятельности гражданина России. И в этом, безусловно, заключается удачность такого наименования как некоего аналога названия *советский народ*. То есть речь идет об определенной общности народов на основе согражданства. При этом очевидно, что подобные идеи не новы в мире.

Вряд ли у кого-то по поводу сказанного возникнут серьезные замечания, поскольку гражданскую сущность имени *российского* отлично все осознают. Однако на этом *национальный проект* не заканчивается. Речь в нем идет не только и не столько о гражданском контексте названия *россияне*, но и о *первенстве* в осознании себя сначала россиянином, а только потом уже представителем конкретного этноса (при этом последней идентификации может вовсе не быть; и тогда фактически имя российское заменит среди прочих имя русское, татарское, чувашское, башкирское или немецкое). Сторонники такого видения резонно приводят аргументы: «Зачем делить людей на народы, когда можно быть просто россиянами, единой общностью?».

Однако очевидно, что *национальный проект*, выходя за представления о согражданстве находит уже слабую поддержку у россиян. Довольно точно это иллюстрирует отечественный историк А. Миллер: «Есть ли российский национальный проект, осуществим ли он? Может быть и да. Он наталкивается на определённые сложности, и это очень хорошо отражает русский язык. Заметьте, если русские говорят, скажем, о великом русском ученом Павлове, ведь они так говорят: «Великий русский учёный Павлов» [6]. А потом они говорят: «Великий российский учёный Зельдович». Что они имеют в виду? Что он наш, но какой-то всё-таки не совсем наш, и в результате это слово «российский» оказывается маркером инаковости, а не общности. Русские же не перестанут про себя говорить, что они русские». Иногда приходится быть свидетелем диалога русского и, например, кавказца следующего содержания: «Ты кто по национальности?», – «Я – гражданин России», – «То, что нерусский, итак понятно...». Опять-таки и самим русским язык не позволяет стать просто россиянами.

Этническая общность оказывается ближе и понятней, проще узурпирует «славные страницы прошлого», обретая более твёрдую почву под ногами в настоящем. Красочный пример тому можно привести из жизни средней школы. Педагог Т.Н. Эйдельман отмечает в своей статье на страницах журнала «Отечественные записки»: «За многие

годы работы в школе я не раз обращала внимание на некоторые особенности употребления моими учениками двух вполне безобидных личных местоимений множественного числа, “мы” и “они”. Не скрою, смысл, который они подчас придают этим словам, внушает мне серьезную тревогу. Вот характерный пример, известный всем учителям. Рассказывая о любой войне, в которой принимала участие Россия, ребята почти всегда употребляют местоимение “мы”: мы разбили немцев под Сталинградом, мы победили Наполеона, мы разбили шведов под Полтавой... Это, во всяком случае, хоть как-то можно объяснить, а вот что означают слова “мы победили Шамиля”, “мы присоединили Казань”, “мы разбили татар на Куликовом поле”? И уж совсем поразительно: “мы разбили хазарский каганат”, “мы торговали с варягами”... В воображении ребят по просторам России-матушки во все времена и эпохи маршируют эти загадочные “мы”. ... И вот что интересно – в учебниках, которые главным образом и формируют такое восприятие, так никогда не пишут. Там все изложено аккуратно: не «мы» воюем, а восточные славяне, или князь Святослав, или московское войско, или армия Петра Первого. Но почему-то мои ученики абсолютно уверены, что все эти сражающиеся люди, многие из которых при ближайшем знакомстве показались бы им не просто странными, но и совершенно чужими, на самом деле все равно – мы» [12].

Несмотря на то, что иногда наименование *россияне* воспринимается как нерусские, не меньшие препятствия российскому национальному проекту существуют и со стороны именно нерусского населения страны. Во-первых, создается ситуация, когда на этнических чувствах народов России без зазрения совести могут играть амбициозные политики. Во-вторых, подчеркивание своей инородности неизбежно приводит к постановке вопроса об автономии (или ее расширении) и дополнительных правах по сравнению с преобладающим русским населением. Поэтому, с одной стороны, наименование *россияне* не вызывает отторжения, признается удачным и действенным в рамках осознания согражданства. С другой, ситуация выражается русской пословицей: «Дружба дружбой, а коврижки врозь». По этому поводу существуют весьма интересные этносоциологические исследования А. Здравомыслова, который приходит к выводу, что «центральной проблемой становления российского национального самосознания остается вопрос о совмещении гражданской и этнической идентичности. Значительная часть россиян чувствуют себя прежде всего “русскими людьми”, а потом уже “гражданами России”. Такая же психология возникает и в республиках. Здесь она порождается в связи с задачами национального возрождения, суверенизации и строительства «национальных государств». Кроме того, русский охранительный национализм, принимающий подчас некорректные формы, приводит к ответной реакции – усилению влияния “местных национализмов”» [2].

Всероссийская перепись 2002 г. показала, что как русские, так и другие народы России не собираются отказываться от своей национальности в пользу только лишь российской идентичности. При этом всего один из ста опрошенных отказался или затруднился назвать свою национальность (и еще 43 тысячи человек назвали выдуманные национальности: «джедаи», «хоббиты», «орки», «марсиане» и т.д.). Остальные же почти 144 миллиона достаточно четко идентифицировали себя, называя русскими, украинцами, татарами, башкирами, немцами и т.д. Кстати, если говорить только о русских, региональные или субэтнические (весьма спорный вопрос) наименования, такие как «казачи», «поморы», «сибиряки» и др., встречаются в переписи также крайне редко, несмотря на активную деятельность местных элит по формированию региональной идентичности. В этом контексте следует упомянуть не только самопровозглашение Уральской, Южноуральской и Вологодской республик начала 1990-х гг., но и более поздний регионализм со своими идеологическими обоснованиями и символическими фигурами (В. Чуб, Н. Кондратенко, Д. Аяцков, К. Титов, Е. Наздратенко) [11].

Все это наглядно иллюстрирует несостоятельность, по крайней мере в обозримом будущем, проекта российской этнонации, то есть нации, в которой воедино соединятся все народы России (или их большая часть). Наименование русскими всех подданных российского императора не сделало таковыми не только представителей этнических окраин, но и культурно и генетически близкие русским восточнославянские, балтийские и финские народы. Формирование общности советских людей не отменило и не отодвинуло на второй план этническую идентификацию. При этом, казалось бы, для слияния есть много предпосылок. Русский язык знают фактически все, жестких расовых различий почти не существует, вероисповедание не является существенным препятствием, как это было до революции. Кроме того, народы России обладают многовековым опытом совместного проживания; русская культура, если не разделяема всеми, то широко известна как сама впитавшая многое из культур других народов. И тем не менее очевидна ценность собственной национальности для подавляющего числа россиян.

Если далее развивать вопрос в аксиологическом направлении, то можно на существующую проблему взглянуть под другим углом. Признаем, что российской этнонации нет и не будет в обозримом будущем. Но, может быть, при самоидентификации россиянами на первое место выйдет гражданская принадлежность и только на второе – сопричастность конкретному народу? Другими словами, будет ли признание себя россиянином большей ценностью, чем национальная идентификация? Однако ни последняя перепись населения, ни существующие исследования по этому вопросу положительный ответ не дают. Безусловно, есть люди, для которых на первое место

в их ценностных ориентациях выходит признание себя россиянином, а потом уже следует (если следует вообще) уточнение национальности. Но таких очень немного.

Пожалуй, наиболее правильный, взвешенный и, главное, отвечающий реальности подход – понимание и видение России как общего дома многих народов, что весьма слабо отражается на данный момент как в СМИ, так и в политологической литературе. И этот единый дом, это, по Карсавину Л.П., «многоединство» [4], немислимо без равноправия народов, осознания уникальности каждого и полезности такого союза. Нередко приходится наблюдать ситуацию «перетягивания одеяла»: на основе этнической уникальности или наличия в регионе полезных ископаемых ряд политических лидеров требуют от центра дополнительные права и льготы (например налоговые). Также широко известны обстоятельства фактической монополизации власти и бизнеса в национальных субъектах Федерации представителями титульных народов. Поэтому без создания и обеспечения центральной властью действительно равных прав для всего населения России, выстраивания и донесения до каждого стратегии развития страны многоединство кажется весьма призрачным. Зачем русские и татары, чуваша и чеченцы, якуты и евреи живут вместе, сообща на этой территории? Зачем их всех объединяет имя *россияне*? Национальность есть ценность, природой данная и воспитанная в процессе становления личности, принадлежность же разноплеменному сообществу, осознание условий совместной деятельности в рамках единой семьи народов – ценность конструируемая, создаваемая, постоянно проверяемая эффективностью управления. Для успешного существования имени российского необходимы успехи во внешней политике (здесь, памятуя советский опыт, необходимо постоянное чувство гордости за страну). Внутренняя политика в свою очередь должна удовлетворять чувство справедливости путем обеспечения равных прав всем народам и субъектам Федерации, верховенства закона, социальной защищенности и т.д.

Ясно, что для этого вовсе не обязателен реквием по этносу. Осознание своей национальности, гордость по поводу принадлежности к определенному народу есть показатель самоуважения и ощущения всего того духовного богатства, которое создавалось многими поколениями. Это и основа к самоуважению и видению себя в многонациональной среде в рамках определенного государства. При этом задача последнего – правильно расставить акценты, четко определить общую необходимую цель и честно сообща ее достигать. В таком случае *россияне* также становятся ценностью как конкретная этническая принадлежность, только иного свойства, иной плоскости, а не просто синонимом указания на политико-правовую связь с государством – *гражданин России*. Поэтому очень даже перспективно положение, при котором имя *русское* и имя *российское*, будучи разделенными, не являются конкурентами, но пред-

ставляют собой возможность взаимного дополнения друг друга. Россияне и Россия немислимы без русских, так же как русские без россиян и России становятся просто обычным народом, затерянным на мировых просторах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Елисеев А.* Русский бренд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-proekt.ru/idea/857.html> (проверено 23.12.2007).
2. *Здравомыслов А.* Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bre.ru/risk/> (проверено 23.12.2007).
3. *Ипатьевская летопись* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litorys.org.ua/ipatlet/ipat.htm> (проверено 20.04.2007).
4. *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея // Русская идея: сборник статей русских мыслителей. М., 2002. С. 321-322.
5. *Муравьев Никита Михайлович* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.km.ru> (проверено 23.12.2007).
6. *Подольские форумы* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newcontinent.ru/forum/viewforum.php> (проверено 04.01.2008).
7. *Реклама* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amobil.ru> (проверено 08.01.2008).
8. *Русский дом* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian-house.ru> (проверено 04.01.2008).
9. *Русский проект* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rus-proekt.ru/statika/about_center.html (проверено 09.01.2008).
10. *Сурков В.* Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт, 2006. № 43. С. 106-108.
11. *Туровский Р.* Идентичность и география в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionalistica.ru/library/articles/rft9/> (проверено 07.01.2008).
12. *Эйдельман Т.Н.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podolsk.biz/pp11.htm> (проверено 07.01.2008).

RESUME

Aleksey Vladimirovich Telenkov, Candidate of history, researcher, Perm Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Perm, (342) 265-73-10 AVTelenkov@rambler.ru

On Correlation between Ethnical Russians (“russkie”) and Civil Russians (“rossiane”): History, Present Day and Perspectives

The author observes the problem and history of relationship between two nominations: “russkie” and “rossiane” and suggests some ways of solving the problem in contemporary situation.

Russian people, Russian ethnicity, Russian citizens.

Материал поступил в редколлегию 25.04.2008 г.